

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81 (038)

DOI: 10.17223/19986645/39/1

Л.Г. Ефанова

КОНТАМИНАЦИЯ. ЧАСТЬ 2. ОСНОВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ КОНТАМИНАЦИИ

Статья посвящена определению содержания термина «контаминация» в русистике и анализу обозначенного им явления. Данная статья является продолжением ранее опубликованной работы, в которой проанализированы представления о широком и узком понимании контаминации, отраженные в трудах современных исследователей. На основании данных из истории изучения контаминации уточняется значение называемого это явление термина, сформулирована его новая дефиниция и описаны основные разновидности контаминации, выделяемые при ее узком понимании.

Ключевые слова: контаминация языковых единиц, контаминант, скрещивание языковых единиц, одностороннее наложение, многостороннее наложение.

В лингвистике и стилистике контаминацией называют разные виды взаимодействия близких по значению, структуре, ассоциативно или функционально языковых единиц или их частей, приводящего к семантическому или формальному изменению этих единиц, а также к образованию на их базе нового слова или выражения, называемого контаминантом [1. С. 206; 2. С. 238; 3. С. 197; 4. С. 159]. Современные русисты приписывают данному термину разные значения, одно из которых может быть названо широким, а другое – узким [5]. В то время как узкое понимание контаминации распространяется лишь на наложение или скрещивание лексических или фразеологических единиц, морфологических парадигм и синтаксических конструкций [2], при широком понимании контаминации к ней относят также образование аффрикат, морфонологическую аппликацию морфем, смешанные способы словообразования [6. С. 269] и сложение [7. С. 273], образование слов по аналогии [8. С. 137; 7. С. 272] и вследствие ложной этимологии [2. С. 238], возникновение синкретичных грамматических классов слов [6. С. 269], а также любое нарушение границ словосочетаний и стандартного порядка слов в результате взаимодействия разных синтаксических моделей [4. С. 159].

Целью данной статьи является доказательство преимуществ так называемого узкого подхода к явлению, обозначенному термином «контаминация», а также описание основных разновидностей контаминации, выделяемых при этом подходе. Достижение данной цели требует обращения к истории изучения контаминации для выявления того, какие свойства исходных языковых единиц, способствующие образованию на их основе контаминантов, были тем или иным способом отмечены исследователями этого явления. Цель исследования предопределила выбор его материала, в качестве которого используются не только сами контаминанты и исходные языковые единицы, но

и высказывания о них исследователей контаминации или самих создателей контаминантов.

На необычный по сравнению с другими производными словами, фразеологизмами и синтаксическими конструкциями способ соединения компонентов контаминанта указывал уже в XIX в. немецкий младограмматик Г. Пауль [9], впервые употребивший термин «контаминация» по отношению к явлениям, при которых «две синонимичные или в чем-то родственные формы выражения мысли» взаимодействуют таким образом, что «ни одна из них не реализуется в чистом виде, элементы одной формы смешиваются с другой» [10. С. 191]. Таким образом, «контаминация – это создание новой формы путем слияния двух форм, которые возникают в сознании одновременно» (Е. Герцог) [Там же]. Это означает, что компоненты контаминированной единицы не связаны друг с другом подчинительной связью и взаимодействие между ними основывается на отношениях иного рода. Для нас в наблюдениях младограмматиков не менее важно то, что этот вид взаимодействия они обнаружили во многих индоевропейских языках, причем не только в лексике, но и в грамматике, т.е. на тех уровнях языка, основные единицы которых обладают самостоятельным значением и структурной оформленностью.

Первое название одной из разновидностей лексических контаминантов – слова-бумажники, или слова-портмоне, – принадлежит Л. Кэрроллу, активно использовавшему контаминацию как инструмент языковой игры. Например, слово-бумажник *slithy* (в переводе Д.Г. Орловской ему соответствует *хливикий*) в стихотворении из «Алисы в стране чудес», согласно объяснению самого Кэрролла, значит *slimy* ‘скользкий’ и *lithe* ‘гибкий’; слово-портмоне *mimsy* – это *miserable* и *flimsy*. Название стихотворения в русском переводе Бармаглот (*Барма-лей* + *живо-глот*) также представляет собой контаминант, но образованный другим способом.

Являясь двусторонними единицами языка, исходные компоненты контаминанта обладают как формальными, так и семантическими особенностями. Н.А. Янко-Триницкая в качестве важного признака формальной стороны контаминанта отметила компрессию языковых единиц, от которых он образован, достигаемую за счет того, что при контаминации происходит «проникновение компонентов одной единицы языка в другую... с непрямым вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [11. С. 258]. Даже в том случае, если одна или обе взаимодействующие единицы включаются в контаминант целиком, его объем оказывается меньшим, чем сумма объемов исходных единиц, хотя значения обеих этих единиц в контаминанте сохраняются (напр.: *моя* + *ягода* = *моягода* (С. Кирсанов), *не по Сеньке шапка* + *шапка Мономаха* = *не по Сеньке шапка Мономаха*). Это свойство контаминантов дает основание исключить из их числа производные слова, фразеологизмы и предложения, образованные путем обычного линейного соединения языковых единиц, в том числе в результате образования слов по аналогии, при котором взаимодействуют не две равноправные языковые единицы, а основа слова и словообразовательная модель (напр.: *раскультурить* от *окультурить* по аналогии с *расчеловечить* от *очеловечить*).

Членение исходных единиц при контаминации также имеет свои особенности. Неоднократно отмечалось, что взаимодействующие при лексической

контаминации части слов, как правило, не являются морфемами [12. С. 66] и соединяются друг с другом «способом словообразовательного коллажа» [7. С. 272]. Общей чертой лексических контаминантов является фузионность. В контаминированных окказионализмах «морфемы не свинчены, а сплавлены. Такое строение нетипично для неологизмов», образованных по регулярным словообразовательным моделям [13. Т. 2. С. 216].

Некоторые семантические особенности контаминантов на примере слов-бумажников Л. Кэрролла описал французский философ Жиль Делёз (1969) [14]. В частности, он обратил внимание на то, что к числу этих слов не относятся те окказионализмы, которые служат «лишь целям простого сокращения или синтеза соединяющей [коннективной] последовательности» (например, слово *вашство*, заменяющее словосочетание *Ваше королевское высочество* [15. С. 72]. В отличие от них слова-портмоне, выполняющие функцию «двойного опосредования», одновременно «сокращают несколько слов и сворачивают в себе несколько смыслов» [15. С. 70]. Одни из них «относятся к синтезам сосуществования и нацелены на то, чтобы обеспечить конъюнкцию двух серий разнородных предложений» [15. С. 69]; слова, от которых они образованы, могут быть соединены сочинительным союзом, например: *злопасный* = *злой и опасный*). В другую группу контаминантов входят «дизъюнктивные слова», образованные от языковых единиц, способных объединяться друг с другом разделительными союзами. Пример дизъюнктивного слова Ж. Делёз находит в предисловии к *Охоте на Снарка*, в котором на вопрос: «Кто король? Говори, голодранец, или умри!» – спрашиваемый, зная, что это должен быть либо *Вильям*, либо *Ричард*, но не будучи в состоянии сделать выбор, отвечает: «*Рильям!*»

Не менее важным для нас является замечание Ж. Делёза о том, что при лексической контаминации соединяются семантически узнаваемые элементы слов. Узнаваемость компонентов контаминантов позволяет исключить из числа причин их возникновения народную этимологию, результатом которой является «метаязыковое высказывание, попытка установить соответствие между формой и содержанием, скорректировать внутреннюю форму слова: *гульвар* – место для гуляния [не: *бульвар* + *гулять*], *мелкоскоп* – устройство для наблюдения за мелкими предметами [не: *микроскоп* + *мелкий*]]» [16. С. 167]. В отличие от народной этимологии, целью которой является поиск в незнакомом слове семантически значимых компонентов, при контаминации соединяемые части исходных единиц могут совпадать только по форме (напр.: *ТолСТОевский*), а возникающие в результате такого соединения новые смыслы являются результатом взаимодействия значений не отдельных компонентов, а обеих исходных единиц в целом, в том числе имеющихся у них экспрессивных, культурных и т.п. смыслов (напр.: *Толстой* и *Достоевский* – писатели-современники, классики русской и мировой литературы, выдающиеся романисты и т.д.).

Наблюдения Ж. Делёза позволяют также провести различие между лексической контаминацией и аббревиацией, которое заключается в отсутствии синтагматической связи между исходными языковыми единицами при контаминации, в то время как аббревиатуры образуются на базе словосочетаний. Единицы, компоненты которых объединяются в контаминанте, могут быть

связаны друг с другом разнообразными парадигматическими отношениями, в том числе отношениями семантического тождества (напр.: *нутро* + *утроба* = *нутроба*, *пороть чушь* + *морозить чепуху* = *морозить дичь*) или противопоставления (ср. *людоед* и *душегуб* с *людоед* и *душелюб*), являться согипонимами по отношению друг к другу (напр.: *Вильям* и *Ричард*) и т.д., но могут иметь между собой только ассоциативное сходство (напр.: *зловонный*) или функциональную близость (напр.: *поднять тост* = *поднять бокал* + *предложить* или *провозгласить тост*).

Образованные путем последовательного соединения и вставки окказиональные слова и синтаксические конструкции не обладают, на наш взгляд, свойствами контаминантов, поскольку базируются лишь на синтагматических отношениях между образующими их единицами и не имеют весьма существенной для контаминантов способности служить средством компрессии текста; каждому структурному компоненту созданных таким образом слов и конструкций соответствует лишь одно узусальное значение, поэтому отмеченного многими исследователями в качестве обязательного для контаминации смешивания значений двух языковых единиц не происходит.

Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые случаи взаимодействия лексических единиц представляют собой сочетание внутрисловной вставки и одноместного или многоместного наложения друг на друга исходных слов (напр.: *углупиться* ‘поглупеть, углубившись во что-л.’).

Отметим те из выделенных разными исследователями контаминации свойств этого явления, которые мы считаем наиболее существенными:

1) контаминация представляет собой явление, свойственное многим языкам (Г. Пауль) [11];

2) контаминируемые единицы обладают самостоятельным значением и структурной оформленностью (Ю.А. Бельчиков) [2], что позволяет объединять в их составе семантически узнаваемые части исходных единиц (Ж. Делёз) [15];

3) деление исходных единиц при контаминации может не соответствовать их членности на морфемы в слове, на словные компоненты во фразеологизме и на словосочетания в предложении (М.В. Панов, А.П. Сквородников) [14, 9];

4) при контаминации происходит компрессия исходных языковых единиц (Н.А. Янко-Триницкая, Ж. Делёз) [12, 15];

5) контаминируемые единицы не связаны друг с другом подчинительной связью, т.е. не образуют слова, фразеологизмы, словосочетания или предложения (Г. Пауль, Е. Герцог) [11 Пауль]. Связь между ними может быть только сочинительной, основанной на отношениях конъюнкции или дизъюнкции (Ж. Делёз) [15].

На основании перечисленных свойств и признаков контаминантов можно сформулировать следующее определение контаминации.

Контаминация – универсальный для разных языков и их единиц, обладающих структурной организацией (слов, словоформ, фразеологизмов, синтаксических конструкций, морфологических парадигм), принцип взаимодействия друг с другом единиц одного системного уровня вследствие исторических изменений в языке, а также в результате ошибочного употребления или

сознательного преобразования исходных единиц с целью языковой игры или создания стилистического приема. Результатом контаминации является создание комбинированной языковой или речевой единицы – контаминанта.

Контаминация может осуществляться способом наложения или скрещивания. Скрещивание представляет собой замену структурного компонента одной единицы компонентом другой по модели $[AB + av = Av$ или $aB]$ на основании их структурного подобия или тождества и семантической, ассоциативной или функциональной близости, например: *мафрунция* (*мафия* + *коррупция*), *плести напраслину* (*плести вздор* + *возводить напраслину*), *Мы вправе рассчитывать от него хорошего результата* (*рассчитывать на хороший результат* + *ожидать от него хорошего результата*).

Основным условием наложения является наличие у контаминируемых единиц совпадающего компонента ($A = v$ или $B = c$ и т.д.) или, при многоместном наложении, компонентов, например: *во всеорУЖасе* (B . *Высоцкий*) (*во всеоружии* + *в ужасе*), *КвАСсицизм* (*Даниил Аль*) (*квас* + *классицизм*), *с открытой ДУШОЙ нараспаику* (*с открытой душой* + *с душой нараспаику*), *Мы должны обратить ВНИМАНИЕ общества к этой проблеме* (*обратить внимание на* + *привлечь внимание к*).

При таком понимании контаминации можно выделить восемь ее разновидностей.

1. Лексическое наложение представляет собой взаимодействие двух слов ($[AB]$ и $[av]$), имеющих совпадающие звуки или комплексы звуков ($B = a$ или $A = a$ и т.д.). Самой распространенной разновидностью наложения является взаимодействие конца одного слова с началом совпадающего с ним по форме другого слова ($v = A$): $[ab + AB = a (b = A) B]$, например: *хана* + *анастезиолог* (x - $[a]$ -ана $[b]$ + ана- $[A]$ -стезиолог $[B]$) = *ханастезиолог* (*Д. Буттлер*). Лексическое наложение может быть одноместным или многоместным. При одноместном наложении конечная часть одного слова «накладывается» на совпадающую с ней по звуковому составу начальную часть другого слова, например: *моЯблоня* (*С. Кирсанов*), в этом случае конец первого из контаминируемых слов, как правило, усекается, например: *ДириЖА-воронок*, *дириЖАбрами дыша...* (*С. Кирсанов*) (*дирижабль* + *жаворонок* и *дирижабль* + *жабры*). При многоместном наложении совпадают два или несколько звуков или их комплексов в разных частях слов, например: в контаминанте *операТяВКА* (*оперативка* + *тявкать*) имеет место двукратное наложение в середине слова ($b=A$) и ($d = C$): *опера-* $[a]$ -*т-* $[b]$ -*и-* $[c]$ -*вка* $[d]$ + *т-* $[A]$ -*я-* $[B]$ -*вка-* $[C]$ -*ть* = $[a + (b=A) + B + (d = C)]$.

2. При фразеологическом наложении взаимодействуют устойчивые сочетания слов, имеющие общий словный компонент [17. С. 81; 18], например: *сменить гнев на милость* + *сдаться на милость победителя* = *сменить гнев НА МИЛОСТЬ победителя*. Поскольку число словных компонентов во фразеологизме невелико, фразеологическое наложение может быть только одноместным.

Лексическое и фразеологическое наложение используется, как правило, с целью языковой игры, а также в качестве стилистического приема [18, 19].

3. Морфологическое наложение возникает при совпадении одной или нескольких форм разных слов или лексико-семантических вариантов одного

слова в парадигме словоизменения. Примером может служить совпадение форм инфинитива *двигаться*, а также форм прошедшего времени у глаголов, имеющих разные формы настоящего времени: *поезд двигается (с места)* и *поезд движется (по мосту)*. Этот вид наложения может быть результатом исторических изменений в языке или речевой ошибки.

4. **Синтаксическое наложение** чаще всего возникает между конструкциями с прямой и косвенной речью. Этот вид контаминации характерен для разговорной речи [20. С. 67] и, как и другие разновидности контаминации, может использоваться в качестве стилистического приема при передаче собственного разговорному стилю смещения прямой и косвенной речи. Синтаксическое наложение нередко используется, в частности, в сказке А. Милна о Винни-Пухе (в переводе Б. Заходера) при имитации разговорной речи. Например, фраза *Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени – Посторонним В., а Пятачок ответил, что нет, может, нет, может, потому что дедушку же так звали!* представляет собой контаминант конструкций с косвенной и прямой речью: *Пятачок ответил, что может, потому что его дедушку так звали и Пятачок ответил: «Нет, может, нет, может, потому что дедушку же так звали!»*. В процитированной фразе элемент *ответил, что* является показателем косвенной речи, а повтор *нет, может*, усилительная частица *же* и восклицательная интонация (!) указывают на прямую речь, в то время как первое *Нет, может* и *потому что дедушку... так звали* представляют собой накладываются друг на друга фрагменты, свойственные как прямой, так и косвенной речи. Синтаксическое наложение при контаминации прямой и косвенной речи всегда является множественным. Одноместное синтаксическое наложение иногда встречается в художественном тексте, где оно служит в качестве одного из способов его компрессии, а также средством выразительности [21], например: *Она замолчала тоже и стала рыться в сумке, мучительно ища в ней тему для разговора и находя только сломанный гребешок (В. Набоков. Защита Лужина)*.

5. **Лексическое скрещивание** осуществляется при соединении начальной части одного слова и конечной части другого (напр.: *moped*), реже – при соединении начальных частей двух слов, не являющихся словосочетанием (напр.: *бестер*). Такие контаминанты образуются искусственно, чаще всего для обозначения новых понятий или вновь созданных артефактов, и особенно активно используются в терминосистемах.

6. **Фразеологическое скрещивание** осуществляется между двумя устойчивыми сочетаниями слов и состоит в соединении начальной части одного из этих словосочетаний с концом другого. Поскольку в результате усечения фразеологизмы могут перестать быть узнаваемыми, скрещивание происходит чаще всего между синонимичными или близкими по значению оборотами. Как и другие преобразования фразеологизмов, этот вид контаминации используется обычно для языковой игры (напр.: *Не плюй в колодец, вылетит – не поймает* (В. Маяковский)) или с другими стилистическими целями [22. С. 123; 23; 24. С. 126], но может также стать причиной возникновения новой фразеологической единицы, например: *кануть в Лету + отойти в вечность = кануть в вечность*).

7. **Морфологическое скрещивание** представляет собой довольно редкое явление, возникающее при замещении парадигмы словоизменения (или ее части) одного слова элементами парадигмы другого слова, как правило, близкого ему семантически. Этот вид контаминации возникает вследствие исторических изменений в языке или речевой ошибки. В качестве примера может быть упомянуто ошибочное замещение отсутствующей парадигмы словоизменения местоимений *некто* и *нечто* формами отрицательных местоимений *некого*, *нечего* и т.д.

8. **Синтаксическое скрещивание**, как правило, является результатом речевой ошибки, возникшей в результате смешивания близких по значению синтаксических конструкций, например: *Продуктов дают впроголодь* (*Продуктов дают мало* + *Люди живут впроголодь*), и может быть использовано также в стилистических целях. Например, в романе В. Набокова «Дар» речевая ошибка используется как средство речевой характеристики одного из персонажей и способствует выражению иронии со стороны автора: *Я на повестках по ошибке написала “Блок и война”, – говорила Александра Яковлевна, – но ведь это не играет значения? – Нет, напротив, очень даже играет, – с улыбкой на тонких губах, но с убийством за увеличительными стеклами, отвечал инженер. – “Блок на войне” выражает то, что нужно, – персональность собственных наблюдений докладчика, – а “Блок и война” это, извините, – философия* [25].

Сделанные в статье наблюдения над особенностями языковых единиц, вступающих друг с другом в отношения наложения или скрещивания, а также описание истории изучения контаминантов дают, как мы полагаем, достаточные основания для того, чтобы считать контаминацию по принципу наложения или скрещивания особым видом взаимодействия языковых единиц. Такое понимание контаминации позволяет провести границу между контаминантами и языковыми единицами, возникшими в результате фонетических и морфонологических процессов, а также отличить контаминацию от способов словообразования, основанных на линейном соединении морфем, случаев грамматического синкретизма и образования разнообразных нестандартных синтаксических форм. Все перечисленные явления, не относящиеся, на наш взгляд к контаминации, либо уже описаны в лингвистических исследованиях, где они получили свое название и объяснение причин их возникновения (например, словообразование по аналогии, словообразование вследствие ложной этимологии, синкретизм грамматических моделей и т.д.), либо еще ждут своего исследователя.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. 608 с.
2. Бельчиков Ю.А. Контаминация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 238.
3. Силина В.Б. Контаминация // Русский язык: энцикл. М., 1997. С. 197–198.
4. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
5. Ефанова Л.Г. Контаминация: Материалы к словарю лингвистических терминов. Ч. 1: Широкое и узкое понимание термина контаминация // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 2 (34). С. 14–22.

6. Пекарская И.В. Контаминация // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник. М., 2007. С. 269–272.
7. Сковородников А.П. Контаминация словообразовательная // Культура русской речи: Энцикл. словарь-справочник. М.: Флинта, 2007. С. 272–274.
8. Bussmann H. Dictionary of Language and Linguistics. / Translated and edited by G. Trauth and K. Kazzazi. London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2006. 1304 p.
9. Hermann Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte <http://gutenberg.spiegel.de/buch/prinzipiender-sprachgeschichte-2742/1>
10. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 502 с.
11. Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 254–258.
12. Щепин А.Г. О лексической контаминации // Русская речь. 1978. № 5. С. 66–69.
13. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 2. 848 с.
14. Gilles Deleuze. Logique du sens. Material description. Paris: Éditions de Minuit, 1969. 394 p.
15. Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum* / пер. с фр. Москва: Паритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
16. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
17. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в аспекте системных особенностей лексики и фразеологии // Сиб. филол. журн. 2006. № 3. С. 77–86.
18. Шамянунова М.Д. Лексическая контаминация как стилистический прием и ее использование в прозе В. Набокова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 393. С. 43–47.
19. Савченко А.В. Фразеология сферы спорта как пример языковой игры // Вестн. С.-Петербурга. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 1. С. 21–227.
20. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 278 с.
21. Шамянунова М.Д., Ефанова Л.Г. Прием контаминации в прозе В.В. Набокова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: сб. науч. тр. Томск, 2000. С. 100–116.
22. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2005. № 3. С. 123–127.
23. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и художественном тексте // Текст и языковая личность : Материалы V Всерос науч. конф. с междунар. участием, 26–27 октября 2007 г. Томск, 2007. С. 77–86.
24. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц: основные способы реализации сверхфразового единства (на материале современной газеты) // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2010. Вып. 5 (584). С. 123–135.
25. Шамянунова М.Д. Прием контаминации в романе В. Набокова «Дар» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 6–1. С. 140–144.

BLENDING. PART 2. MAIN VARIETIES OF BLENDING

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 1(39), pp. 5–14. DOI: 10.17223/19986645/39/1
 Efanova Larisa G., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: efanova@sibmail.com

Keywords: interaction of language units, blend, clipping of language units, single overlap, plural overlap.

Blending is a universal principle of language units interaction for various languages and for their units having structural organization (words, morphological forms, set expressions, morphological paradigms and syntactic constructions). As a result of blending, new combined language units called *blends* are formed. Blends may develop from an unconscious misspeaking, or through stylistic intent and also as a result of historical alterations in language.

There are eight varieties of blending: lexical overlap, phraseological overlap, morphological overlap, syntactic overlap, lexical clipping, phraseological clipping, morphological clipping and syntactic clipping.

1. Lexical overlap is an interaction of two words (AB and ab), having identical sounds or complexes of sounds [A = a or A = b etc.]. Lexical overlap may be single, when the last part of the first word and the first part of the second word are identical in their phoneme composition (*MoYagoda, streKOZel*), and plural. In the latter case, two or several sounds or complexes of sounds are identical and placed in diverse parts of the blend (*operaTyaVKa = operaTiVKa + TyaVKat*).

2. When phraseological overlap takes place, two set expressions having an identical word-component interact (*smenit' gnev na milost' + sdai'sya na milost' pobeditelya = smenit' gnev NA MILOST' pobeditelya*). Phraseological overlap can be single only because of the small number of word-components in set expressions.

Lexical overlap and phraseological overlap are used with a stylistic intent as a rule.

3. Morphological overlap appears when one or several forms of different words or of lexical-semantic variants of one word coincide. Morphological overlap may develop as a result of historical alterations in language or of unintentional misspeaking.

4. Syntactic overlap is regular between constructions with direct speech and indirect speech in colloquial style (*On govorit, chto net, nel'zha = On govorit, chto nel'zha i On govorit: net, nel'zha*).

5. Lexical clipping may develop when the first part of one word and the last part of another word are combined: [AB + ab = Ab] (*moped*). Lexical clipping sometimes appears between first parts of two words did not forming a combination of words: [AB + ab = Aa]. In the latter case, blend are usually formed to name new artifacts (*best*).

6. Phraseological clipping between two set expressions with similar senses consists in connecting of the first part of one expression to the last part of another expression. This variety of blending, as a rule, is used with a stylistic intent (*Ne pnyuy v kolodets, vyletit – ne poymaesh*) and sometimes may cause a new language unit to appear (*kanut' v Letu + otoyti v vechnost' = kanut' v vechnost'*).

7. Morphological clipping takes place when one part of the grammatical paradigm of one word is substituted with elements of the grammatical paradigm of another word due to a speech error or a historical alteration in the language.

8. Syntactic clipping usually develops as a result of speech error when two synonymic syntactic constructions are mixed (*Produktov dayut vprogolod' = Produktov dayut malo + zhit' vprogolod'*).

References

1. Akhmanova, O.S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Bel'chikov, Yu.A. (1990) Kontaminatsiya [Blending]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
3. Silina, V.B. (1997) Kontaminatsiya [Blending]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: Drofa.
4. Matveeva, T.V. (2010) *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Feniks.
5. Efanova L.G. (2015) Blending (data for a linguistic terminological dictionary). Part 1. The broad and the narrow interpretation of blending. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (34). pp. 14–22. (In Russian).
6. Pekarskaya, I.V. (2007) Kontaminatsiya [Blending]. In: Ivanov, L.Yu. (ed.) *Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: Collegiate Reference Dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Skovorodnikov, A.P. Kontaminatsiya slovoobrazovatel'naya [Word-formative Blending]. In: Ivanov, L.Yu. (ed.) *Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: Collegiate Reference Dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka.
8. Bussmann, H. (2006) *Dictionary of Language and Linguistics*. Translated and edited by G. Trauth and K. Kazzazi. London and New York: Taylor & Francis e-Library.
9. Paul, H. (1880) *Prinzipien der Sprachgeschichte*. [Online]. Available from: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/prinzipien-der-sprachgeschichte-2742/1>.
10. Paul, H. (1960) *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
11. Yanko-Trinit'skaya, N.A. (1975) Mezhduslovnnoe nalozhenie [Word overlap]. In: *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka. Slovoobrazovanie. Chlenimost' slova* [The development of modern

Russian language. Word formation. Word division]. Moscow: Nauka.

12. Shchepin, A.G. (1978) O leksicheskoy kontaminatsii [On lexical blending]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 66–69.

13. Panov, M.V. (2007) *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. V 2-kh tt.* [Works on general linguistics and Russian language. In 2 vols]. Moscow: Yazyki slavyan. kul'tury.

14. Deleuze, G. (1969) *Logique du sens. Material description*. Paris: Éditions de Minuit.

15. Foucault, M. (1998) *Theatrum philosophicum*. Translated from French. Moscow: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga.

16. Sannikov, V.Z. (2002) *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian language in the mirror of the language game]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

17. Efanova, L.G. (2006) Frazеологические трансформации в аспекте системных особенностей лексики и фразеологии [Phraseology transformations in the aspect of system features of vocabulary and phraseology]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 77–86.

18. Shamyayunova, M.D. (2015) Lexical blending as a stylistic device in the prose of Vladimir Nabokov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 43–47. (In Russian).

19. Savchenko, A.V. (2014) Sport sphere phraseology as an example of language game. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. PHILOLOGY. ASIAN STUDIES. JOURNALISM*. 1. pp. 221–227. (In Russian).

20. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryayev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka.

21. Shamyayunova, M.D. & Efanova, L.G. (2000) Priem kontaminatsii v proze V.V. Nabokova [Blending in the prose of V.V. Nabokov]. In: *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v khudozhestvennom tekste* [Communicative and pragmatic aspects of the word in a literary text]. Tomsk: TsNTI. pp. 100–116.

22. Efanova, L.G. (2005) Frazеологические трансформации в речи и тексте [Phraseology transformation in speech and text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 123–127.

23. Efanova, L.G. (2007) [Phraseology transformation in speech and artistic text]. *Tekst i yazykovaya lichnost'* [Text and language personality]. Proceedings of the V All-Russian Scientific Conference with International Participation. 26–27 October 2007. Tomsk. pp. 77–86. (In Russian).

24. Guseynova, T.S. (2010) Transformatsiya frazeologicheskikh edinit: osnovnye sposoby realizatsii sverkhfrazovogo edinstva (na materiale sovremennoy gazety) [Transformation of phraseological units: main ways to implement super-phrasal unities (in the modern newspaper)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – MSLU Vestnik*. 5 (584). pp. 123–135.

25. Shamyayunova, M.D. (2015) Priem kontaminatsii v romane V. Nabokova “Dar” [Blending in Vladimir Nabokov’s *The Gift*]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 6-1. pp. 140–144.